

Выше Марии

Омнес
ТОЛЬКО ЖИВИ

18+

Выше Марии Омнэс. Только живи

<https://litres.ru/74162993>

SelfPub; 2026

Аннотация

После смерти лучшей подруги Тася не может жить как раньше и прийти в себя, чувство беспомощности и вины тянет на дно. Она могла защитить ее и избежать трагедии но уже ничего нельзя изменить. Остается умереть с гибелью подруги и видеть ее убийц каждый день в школе. Это невыносимо. Вот бы у нее появился шанс вернуть подругу и отомстить.

Содержание

Глава 1	4
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Выше Марии Омнэс. Только живи

Глава 1

Всё началось с того, что у меня погибла подруга, лучшая и единственная. В отличие от меня, она была неизменно смелой и сильной. Рядом с ней я всегда чувствовала себя увереннее, сильнее, что ли, и это было классное чувство – будто ты готова весь мир перевернуть. Она испытывала то же самое: по лицу было заметно – вечно ходила и улыбалась, как в последний раз. Мы и сдружились наверняка изза того, что сил друг другу давали. Мне большего и не надо было, так что друзей я больше не заводила: общалась с ней и ни о чём не жалела.

Дружили бы мы и дальше, но у неё характер был такой неугомонный – меры никогда не знала: говорила, что первое в голову придёт, и только потом думала. Ято на неё никогда не обижалась: знала, что она всё с дуру городит. Но вот другие не знали – обижались постоянно. А у обиды есть одна неприятная особенность – свойство накапливаться.

Эля перевелась к нам в середине пятого класса и сразу всем полюбилась. Была спокойной, милой со всеми, могла поддержать разговор и никогда никого не обижала. В прин-

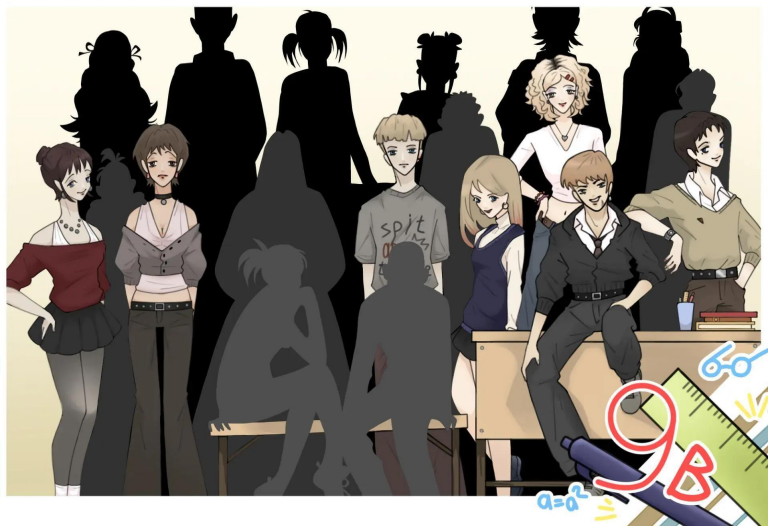
ципе, она не проявляла негативных черт. Меня это сразу смутило, но поговорить наедине и всё разузнать никак не выходило. Она была в вечном окружении людей, а до меня поначалу ей дела не было. Пока както раз не пошли гулять все вместе компанией девочек.

Я особо ничего и не делала – вела себя как обычно, но Элю чемто зацепила. Она подошла и сама завела разговор. Не помню, о чём мы тогда говорили, но помню, как она изменилась в моменте. Могла сказать чтото грубое, закричать или упасть от смеха. Я поначалу удивилась, не узнала ту шёлковую девочку, но виду не подала, поняла, что это и есть настоящая Эля. То, как она раскрепостилась, меня очень поразило. С её же слов, на неё так повлияло моё спокойствие и чувство юмора. Она могла сказать всё, что угодно, а я просто смеялась и пыталась рассмешить её, не делала едких замечаний и не пыталась успокоить. Просто веселилась вместе с ней.

Для Эли тот день был переломным моментом: она наконец поняла, что необязательно притворяться кемто другим, дабы завести друзей. Возможно, на неё также повлияла дружба со мной, но она потихоньку менялась. Стала ярче, чаще смеялась, поднимала голос и иногда говорила странные вещи. Это даже не плохо, но вместе с тем она могла оскорбить собеседника. Не чтобы задеть, просто, не думая, болтала: «Рюкзак твой просто ужас, в чём он у тебя вечно?» «Зря ты решила покраситься, раньше ведь была такой красивой». «Руки

у тебя мощные, как у парня, хотя даже у парней таких нет, одна твоя – как две ноги Кирилла». Ясно, что ребятам это не нравилось.

А время шло, они становились всё злее, принимали её слова близко к сердцу, считали врагом. Стали грубить в ответ, просили молчать, игнорировали и начали открыто ненавидеть. Не все. Это происходило постепенно. Окончательно общаться с ней перестали в начале учебного года, а издеваться стали после осенних каникул. Собралась целая банда лидеров – самых сильных, уверенных ребят из класса, которые решили испортить выпускной класс моей подруги.

Может показаться, что она сама себя убила, но это не

так. Её и правда обижали, но она не сильно расстраивалась – больше раздражалась изза вечного внимания. Говорила: «Шутки их меня ничуть не задевают: они даже не смешные, а вот привычка провожать до дома жутко надоела». Они и правда её часто преследовали до дома, пытались задеть за живое или просто оскорбить. А когда она им отвечала в своей привычной манере, злились и кидались снегом – не снежками, ледышками. А ей плевать: она их не боялась, смеялась и убегала. А я за ней – всегда была с ней рядом и нередко сама получала. Но за меня Эля всегда вступалась и такого им наговорить могла, что те даже прослезиться могли. Не все, конечно, только девочки, но тем не менее. В общем, в обиду она меня никогда не давала. Но если я её пыталась защитить, сразу меня обрывала и говорила: «Не лезь, это моя забота». Только она не говорила, а шептала, чтобы ребята не прицепились и к этому. Думала, что так покажется им слабой, а она этого совсем не хотела.

Наверное, именно поэтому в начале весны она сказала мне больше её не провожать. Сказала, что снег почти растаял и кидаться им нечем, разве что грязью, а они не любители руки марать, так что угроза миновала и ругаться с ней им быстро надоест. Я поверила. Согласилась с ней, думала, что она окажется права, как это обычно и бывало. Но нет, она ошиблась. Хотя, когда я вспоминаю наш разговор, всё чаще думаю о том, что она мне просто соврала. Что специально сказала не ходить за ней: знала, что в компании ребят

появился Геркулес.

Гера – наш одноклассник. Хорошим был парнем, только вот семья у него проблемная была. Когда с нами ещё общались одноклассники, девочки разболтали, что мать его стоит на учёте в психдиспансере: депрессией болеет, а папа пьёт. Точнее, пил: его как раз в конце зимы убили, расследование даже было. А Геру как подменили: агрессивным стал, бывало, в школу пьяный приходил, а бывало – ещё под чемто. Но ему никто ничего не говорил: все боялись. После смерти отца он из дома ушёл, стал с Борей жить: они лет семь дружили, а у Бори отец – директор, ещё и депутат какойто. Вот все и молчали, думали, что всё равно за убийство отца посадят. Не посадили.

Как раз в то время он и вступил к ребятам в банду, стал среди них главным заводилой. Ещё там был Боря: онто Геру к ним и затащил. Брат и сестра, Кирилл и Карина Меловы, – наглые ребята. Их мама – следователь, времени им совсем не уделяла, вот они и собрали себе банду для развлечения. Ну и Аня, подруга Карины, – популярная девочка: всю школу знает и с каждым дружит. Только потом всё, что узнает, пишет в школьный чат, распускает слухи; многие с её подачи школу сменили.

Вот онито и были бандой Меловых.

Пока в банде не появился новенький, они и правда боялись руки марать: гордые были. А Гера – нет, он был самый обыкновенный.

В тот день они увидели, что Эля идёт домой одна, решили сразу её чемто закидать, без прелюдий. Только снег таять начал и превратился в грязное месиво. Они бы даже думать не стали о том, чтобы это в руки брать, но Гера их всех на слабо взял: схватил свой кусок и бегом за Элей. А этим дважды предлагать не надо – они свои куски похватали и за ним.

Эля тогда на светофоре стояла, услышала смех и топот, повернулась – а там ребята за ней бегут с грязью в руках. Она сразу всё поняла. Посмотрела направо, налево и побежала. На том светофоре поворот был крутой, а водителям обзор ларёк закрывал. Что произошло, говорить не стоит.

Ребят не наказали: их на камерах не видно было, свидетелей нет толком, а те, что есть, говорят, что девочка просто перебежать дорогу решила. Предъявить им нечего. А Эля умерла вот так, несправедливо, потому что побоялась не ребят, а того месива у них в руках. Но меня она опять решила защитить. Я даже грязи никогда не боялась: это Эля была заядлой чистюлей. У неё всё было чистое: одежда с иголочки, причёска – волосок к волоску. Её бы с ума свела грязь, которая вряд ли отстирается от вельветовой куртки или замшевых сапог.

И вот я всё думаю: почему не пошла тогда с ней в последний раз? Так, просто, чтобы убедиться в её словах, чтобы знать, что они правда ничего с ней не сделают. Я ведь могла всё изменить – просто побыть рядом, как и всегда. Но я трусила: не захотела опять их выслушивать, убегать или ру-

гаться с ними. Думала, что она справится сама. А ведь это я давала ей ту силу – силу, чтобы не бояться их, давать отпор. Я ведь это знала. Она ведь тоже давала мне сил.

Эти мысли преследуют меня очень давно – с того момента, как я узнала про её гибель. В то время я очень много думала, не могла всё понять, сложить картинку в цельный пазл. Бабушка всё понимала. Позволяла пропускать школу: обычно она не была такой доброй, но сама потеряла много людей, понимала, что я чувствую, жалела. Но та неделя всё равно прошла как в тумане: в голове остались только мысли. Я даже похорон не помню, зато помню сообщение в группе класса, написанное для галочки. Нам сообщили о гибели Эли, сказали помнить правила дорожного движения и, если захотим поговорить на тему смерти, обращаться к школьному психологу. Обидно, даже оскорбительно формально: ни словечка про Элю, ни про то, какой она была, – не написали. Обычное сообщение, написанное по шаблону. В школе никто не относился к её гибели как к трауру: это было просто очередное событие.

Злилась на них невероятно. Я вообще на всех злилась: на себя, на Элю, на ребят за то, что не получили наказание. Мечтала о справедливости. Я не понимала, почему злодеи живы, почему живут, как ни в чём не бывало, а Эля нет, хотя была их жертвой. Она вообще не живёт. Чувство того, что я не могу ничего сделать, не могу повлиять на ситуацию, меня съедало. Тело ныло, ноги были ватные, сердце было не на

месте, всё время уходило куда-то вниз. Мне было тяжело: я не знала, куда себя деть, чем занять, как отвлечься.

Бабушка это заметила и отправила в школу. Что было в момент, когда я это услышала, вспоминать дурно. Были и крики, и слёзы, и мольбы, но бабушка стояла на своём. Она думала, что я уже оправилась и мне стоит просто отвлечься. Видимо, бабушка стала слабовидящей под старость, иначе я не могу объяснить, как она не увидела ужас у меня в глазах. В итоге в школу я пошла.

Это был худший день. Я ни с кем не разговаривала. Если кто и подходил – огрызалась, старалась не поднимать глаза, но всё равно заметила банду. Они ведь вообще не изменились: так же смеялись, дурачились, как будто никто и не умер. Во мне ведь таилась надежда, что они изменились, осознали, что натворили, в конце концов, раскаиваются. Но нет. Всё было без изменений. Ко мне они так и не подошли. День прошёл тихо.

Придя домой, помогла сестре по хозяйству, приготовила ужин и сразу пошла в комнату. Пыталась прийти в себя. Я хотела придумать, что делать дальше, как жить. Бабушка советовала завести новых друзей, но это ведь не поможет. Эти друзья никогда не смогут сравниться с Элей. Или смогут? Но я даже пытаться не хочу – я её предаю, если попытаюсь найти замену. Лучше найти занятие по вкусу: рисование или вязание – не важно, просто надо отвлечься. Хотя надо ли? Может, лучше школу сменить? А толкуто, всё равно через

пару месяцев её закончу. Наверное, проще будет смириться.

И я могла думать часами, прокручивать такие дурацкие мысли, искать ответ. В этот раз лежала недолго, но в квартире уже стихло. Подумывала сходить и умыться, когда заметила шевеление за кроватью. Понятное дело, я испугалась, подскочила с кровати. Смотрю: вроде всё тихо, в комнате никого нет. Подумала, что устала. Только стала опять ложиться, как слышу: «Тася».

Я вздрогнула, но не повернулась: сердце опять ушло куда-то вниз. Голос знакомый до слёз. Хотела что-то предпринять, а она опять говорит: «Ты только не бойся». Тут я не выдержала, повернулась – и всё. Ступор. Вижу, это она, такая родная, как будто живая. Только выглядит необычно: большая шляпа, накидка в пол, волосы распущенные. Стоит, руки в боки, и улыбается. Лицо, глаза, улыбка – всё её. Это Эля. Только зубы белее стали и кожа чище. Стою, не верю, глаза на мокром месте. А она, видимо, добить меня решила, говорит: «А ты чего ночью со светом спишь? Счётчик крутишь? Или меня ждёшь?» Тут я не выдержала, заплакала, подумала, что всё – шизофрения. Но всё равно так обрадовалась. Пускай она даже видение, оно же выглядит, говорит и ведёт себя как Эля, а я о большем и мечтать не могла.

Эля увидела, что я плачу, запереживала, по комнате заходила, пыталась объяснить что-то. У меня только разобрать ничего не выходило. Я об одном думала: «Только бы не пропала». А она ещё немного походила, поговорила и потом за-

метила, что я никак не могу вникнуть в её монолог. Подошла, руки мне на плечи положила и спрашивает: «Ты меня слушаешь вообще?» Я не сразу поняла, что она спросила: отвлеклась на то, что от прикосновения ничего не почувствовала. Потупила ещё немного и, не выдержав, спросила: «Эль, это ты вообще?» Она в тот момент чуть от возмущения не задохнулась: «Тася! Я для кого тут распиналась? Слушай внимательно! Поняла?» Ну, я кивнула и прослушала её минут сорок, наверное, не меньше.

Она мне столько всего рассказала: и то, как умерла, и что после смерти делала, и как по мне скучала, и как сюда попала. И самое важное – как ей вернуться назад в жизнь. Попытаюсь пересказать всё слово в слово. Про её смерть я уже рассказала, остались только хождения после.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.